

Спустя мгновение Пэй И вышел, неся коробку, полную всяких вкусностей: кроме шоколада там были печенье и конфеты.

— Ты любишь это есть?

Гу Ао, глядя на коробку в его руках, приподнял бровь.

— Нет... просто фанаты подарили... — Пэй И, держа коробку, смущённо объяснил.

Гу Ао удивился.

— Подарки от фанатов, и ты их с собой таскаешь?

— Нет, это Цяо Цяо упаковала... — тихо проговорил Пэй И.

Гу Ао крючком пальца приоткрыл крышку коробки, заглянул внутрь, затем взял её.

— Неплохо. Мне всё нравится.

— Ещё есть? — Гу Ао взвесил коробку на руке — довольно тяжёлая.

— Нет... — Пэй И на секунду опешил, машинально ответил, затем спохватился и поспешно добавил:

— Если вам... если вам нравится, когда вернёмся, я куплю вам...

Гу Ао замер. Спросив, есть ли ещё, он лишь хотел узнать, оставил ли Пэй И что-то себе, но не ожидал, что тот поймёт иначе.

Услышав ответ Пэй И, Гу Ао, сам не зная почему, почувствовал, как в душе зашевелилось какое-то странное чувство.

— Ладно, запомнил.

Гу Ао усмехнулся уголком рта. Ему показалось, что он стал как-то легко удовлетворяться.

Сказав это, Гу Ао взял коробку и ушёл. Пэй И остался стоять на месте, не понимая, что произошло.

На следующий день съёмки официально начались.

Фильм снимают не в хронологическом порядке, и здесь съёмки уже дошли до второй половины «Врат Белого Феникса».

У края прозрачного пруда уже установили несколько камер, объективы нацелены на Пэй И. Он стоял там весь мокрый, чёрные одежды плотно прилипли к телу.

— Бай Фэнцин, это всё твоих рук дело? Всё это — ты?..

Пэй И уставился на Бай Фэнцина, стоящего перед ним, глаза его покраснели, губы слегка дрожали, когда он задал вопрос:

— Да?

Гу Ао, глядя на жалкого и несчастного Вэй Цзинчэна, в белоснежных, незапятнанных одеждах,

без тени эмоций в глазах, лишь спокойно ответил:

— Да.

Едва это слово слетело с его губ, Пэй И громко потребовал:

— Почему?! Бай Фэнцин! Скажи хоть слово, и я поверю тебе! Почему?!

— Почему... — Пэй И отступил на шаг назад, голос его стал тише.

— Нипочему. — Ответ Гу Ао был ровным, в глубине глаз не было ни волнения, словно гладь пруда перед ним, непостижимая для других.

— А ты не боишься— — Пэй И сделал шаг вперёд, во взгляде мелькнула тень ненависти.

Гу Ао прервал его, тон оставался спокойным.

— Ты не станешь.

— А ты станешь? — Гу Ао поднял глаза, глядя на Пэй И.

Пэй И смотрел в глаза Гу Ао, и в какой-то момент это был уже не Вэй Цзинчэн, смотрящий на Бай Фэнцина, а он сам, смотрящий на Гу Ао.

Станет ли он? Предать Бай Фэнцина...

Предать Гу Ао.

Весь боевой дух Пэй И вмиг угас, он отступил на шаг, будто потерпев поражение. Как мог, как посмел бы он предать этого человека?

— Уходи. — Гу Ао взглянул на Пэй И, затем развернулся и пошёл вперёд.

Но, сделав два шага, он внезапно замер. Однако он не обернулся. В этот момент камера медленно приблизилась к его лицу.

И в это мгновение глаза Гу Ао внезапно налились краской, эмоции хлынули из их глубин наружу. Но, стоя спиной к тому, кто был позади, он так и не обернулся.

— Снято!

Син Юаньцин, увидев игру в глазах Гу Ао, от волнения дрожали даже руки.

По его сигналу Гу Ао пошевелил слегка затекшей шеей, выражение лица уже вернулось к обычному.

— Идеально! Этот последний взгляд можно считать эталонным!

Хотя Син Юаньцин в требованиях к съёмкам дошёл до занудства, но к тому, что он признавал, никогда не скупился на похвалу.

Гу Ао привык к таким похвалам. Он взял воду, которую подал Юнь До, и сделал глоток.

Син Юаньцин уже отошёл обсуждать детали с Пэй И.

— С эмоциями в последнем моменте всё ещё есть проблемы. Тебе нужно переснять этот момент отдельно. Сейчас у тебя не только гнев, но и разочарование. Крик был хорош, а вот последующее угасание эмоций выражено недостаточно ярко...

Син Юаньцин объяснял Пэй И детали, но тон его не был сердитым — в конце концов, последующая игра Пэй И была довольно хороша, особенно реакция на вопрос Бай Фэнцина в конце — она даже превзошла его ожидания.

После этого Пэй И скорректировал эмоции и, следуя подсказкам Син Юаньцина, переснял тот небольшой эпизод отдельно.

Гу Ао в это время уже сидел в зоне отдыха. Наблюдая за игрой Пэй И на площадке, его взгляд внезапно стал отстранённым.

Только что, когда Пэй И услышал его вопрос, он явно почувствовал, как эмоции того внезапно изменились. Но какие именно, он не мог сказать.

Когда Пэй И переснимал этот момент отдельно, он попробовал, следуя указаниям Син Юаньцина, но тот остался недоволен, и пришлось делать ещё один дубль.

Но на этот раз результат оказался даже хуже, чем предыдущие два. Син Юаньцин всегда стремился к совершенству, поэтому потребовал ещё раз.

В итоге на этом десятисекундном кадре застряли на целых полчаса.

— Поймай этот момент, момент перехода! Переход после эмоционального вопроса!

Син Юаньцин под палящим солнцем всё так же говорил громко и энергично, щёки уже покраснели от жары.

Гу Ао повернул голову, посмотрел на Пэй И, который стоял рядом и внимательно слушал, затем поднял глаза, прищурившись на ослепительное солнце над головой, и наконец поднялся.

— Может, на пустом месте сложно поймать чувство?

Он подошёл и встал между Син Юаньцином и Пэй И, выражение лица у него было совершенно обычное.

— Давай, я помогу, — Гу Ао встал напротив Пэй И. — Но раз меня в кадре не будет, я не буду входить в образ.

Син Юаньцин был удивлён, что Гу Ао сам предложил помочь отыграть сцену, но это было к лучшему, и он, естественно, не стал возражать.

Син Юаньцин знал, что привычка Пэй И в актёрской игре — погружаться в персонажа. С помощью Гу Ао, возможно, удастся лучше раскрыть его актёрское мастерство.

Но реальность разошлась с ожиданиями Син Юаньцина. Пэй И не только не раскрылся, но и всё больше терял чувство сцены.

На самом деле, если смотреть с точки зрения Пэй И, требовалось, чтобы он, стоя перед Гу Ао, кричал, требовал ответа. Чем больше он об этом думал, погружался, размышлял, тем больше выпадал из образа.

Гу Ао, глядя на Пэй И напротив, задумчиво помедлил. Проработав с ним какое-то время, он, естественно, заметил эту привычку Пэй И, особенно в эмоциональных сценах — тот больше всего любил вживаться в роль.

Это давало огромное преимущество — полную реалистичность. Человек в роли, роль в человеке, на экране выходило абсолютно идеально.

Конечно, были и недостатки — слишком сильная зависимость. Если эмоциональное погружение не удавалось, эффект не достигался вовсе, и контролировать это было крайне сложно.

— Учитель Пэй, ты и вправду удивительный. Десять лет в кино, и ни капли техники не усвоил?

Гу Ао бросил не то чтобы холодную, не то чтобы горячую колкость. Ему нужно было исправить у Пэй И этот, в общем-то, не недостаток.

Если бы такое сказал кто-то другой, Пэй И если бы не ударил, то уж точно не стал бы с ним церемониться. Но эти слова произнёс именно Гу Ао.

Лицо Пэй И покраснело, но не от жары, а от стыда, будто ученик, которого поймали на том, что он не слушал урок.

— Раньше такое бывало? И что ты тогда делал?

Гу Ао, видя стыдливый вид Пэй И, в конце концов не стал говорить ничего более обидного.

Услышав вопрос Гу Ао, Пэй И задумался.

Такие ситуации, когда не удавалось эмоционально войти в роль, случались и раньше, причём не раз, а довольно часто.

Он не был профессиональным актёром, не получил системного образования, поэтому и не имел всестороннего понимания актёрской игры. В те времена, чтобы лучше играть, глубже вживаться в роль, он мог в лютую зиму, в тонкой одежде, часами стоять на снегу, раз за разом обливаться ледяной водой в пронизывающем холоде, мог бить себя по лицу, чтобы почувствовать физические ощущения персонажа, а через них — понять его душевное состояние...

Он знал, что медлителен. Догнать Гу Ао было слишком сложно. Но он не сдавался. Даже самым глупым способом, лишь бы играть лучше, он был готов пробовать.

Конечно, обо всём этом он не мог рассказать, потому что звучало бы это очень глупо.

— Ладно, времени слушать твои истории у меня нет. Сейчас внимательно слушай, что я скажу.

Гу Ао, видя, что Пэй И молчит, не стал распространяться. Он хотел дать Пэй И самое системное представление об актёрском мастерстве.